

DEATH

BANTHAN

18+

para vampnar

Лесной

«Автор»

2026

vampnar n.

Лесной / n. vampnar — «Автор», 2026

Суровой зимой 1942 года немецкий дезертир, бежавший с поля боя, находит убежище в заброшенной лесничей избе. Но очень скоро события дают ему понять: он там не один. Это мистическая повесть, в которой военный кошмар переплетается с мистическими событиями и тайнами заговора. Хочешь почувствовать холодок перед сном? Тебе сюда.

© vampnar n., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лесной

Глава

Ледяные хлопья ослепляли взгляд и царапали кожу, ветер был схож с невидимой преградой, не позволявшей с легкостью проходить сквозь нее, а сугробы, как болотистая тина, утягивали за собой, замедляя шаг. И Ханс поддался этому. Остановившись, он оглядел раскинувшийся перед ним густой сосновый лес, прислушиваясь к зимней вьюге, одновременно прикидывая в голове, сколько он уже находится в пути: «Лагерь далеко, следы замело, больше половины отряда ранены... в такую погоду не найдут, даже с собаками», – подумал мужчина, стягивая с себя шапку-ушанку, которую накануне нашел в покосившейся избе, хозяин которой, скорее всего, уже был нежилец, – «Мертвым больше незачем бояться холода», – пронеслось в его голове. Зима сорок второго года в Союзе выдалась суровой. Было сложно передвигаться в такую погоду в военном длинном пальто. Он и его отряд любили лишний раз пожаловаться старшим на неудобство данной формы, но новой универсальной зимней одежды, которая уже дошла до большинства военнослужащих центральных территорий, им было не видать аж до следующей зимы. – А теперь вообще никогда не видать, – прошипел Ханс, лениво отряхивая шапку от снега. Натянув обратно ушанку и поправив винтовку на своем плече, он отправился дальше в неизвестность, по смешному широко расставляя ноги, чтобы побыстрее преодолеть снежные преграды.

Уже начинало темнеть, когда лес стал редеть, а вьюга понемногу утихать. Пройдя еще с минут пять пути, Ханс вышел к полю, настолько огромному, что можно было спутать его с заледеневшим морем. Расстегнув пару верхних пуговиц и просунув руку под пальто, мужчина достал аккуратно привязанный на верёвочку бинокль. Прислонив его к глазам, он начал вглядываться в заснеженное поле. Непогода почти утихла, оставив после себя лишь медленно стекающие с неба хлопья снега. Меняя ракурс за ракурсом, Ханс остановился, направив все свое внимание на маленькое здание, стоявшее по ту сторону снежного поля, на границе с лесом. Сунув бинокль обратно под пальто, мужчина бодро отправился к укрытию. Выходить в открытое поле, без маскировочного одеяния было рискованно, поэтому ему пришлось идти вдоль леса, что значительно увеличило его путь.

Небо успело полностью покрыться звездами, когда наконец-то из-за деревьев и метровых сугробов показалась покрытая снегом треугольная крыша, а за ней и само здание полностью. Это оказалась небольшая пустая избушка с пристроенной к ней сарайкой и деревянным уличным туалетом. Было сложно разглядеть что-то еще без лунного света, а фонарик был забыт в военном лагере двое суток назад, перед тем как он и его бывшие соратники напоролись на засаду со стороны советской армии.

Зайдя в дом и почти на ощупь перебравшись в одну из комнат, Ханс разглядел что-то, напоминающее кровать. Подойдя ближе и убедившись в том, что его предположения были верны, он рухнул на мягкие перины и тут же отключился.

Прикоснувшийся холод к лицу мужчины заставил его проснуться. Хлопья снега проникали через разбитое окно, оседая ледяным покровом на его лице. Чуть приоткрытые веки тут же зажмурились от непривычно яркого дневного света. Погода была пасмурной, но белоснежный покров, покрывавший буквально всё, повышал яркость в разы. Старая железная кровать противно скрипела от каждого движения Ханса. Встав с неё, мужчина оглядел место, где провёл последнюю ночь. Узкая комнатка с разбитым окном, побитой кроватью, массивным деревянным шкафом и парой черно-белых фотографий в рамках, висевших над спальным

местом. На первой был мужчина лет сорока, с густой бородой и равнодушным выражением лица, а на второй – две девочки лет пятнадцати, позировавшие в одинаковых белых платьях на пуговицах, с подолом до колена на фоне Кремля. Обе фотографии покрылись толстым слоем пыли, но не настолько, чтобы скрыть их содержание. Ханс взгляделся в изображение подростков. Фотография с девочками была повреждена, проводя трещину ровно между подружками – это выглядело и забавно, и тоскливо одновременно. «Интересно, живы ли они?» – промелькнула мысль в его голове. Потеряв интерес к изображению и развернувшись, он взгляделся в пейзаж за окном. Эта сторона дома была повернута к лесу. Покрытые снегом сосны, казавшиеся бесконечными, стояли врассыпную, будто прячась друг за другом, пока слипшиеся снежинки летели вниз с их макушек. Понаблюдав еще немного за зимним лесом, Ханс поднялся с постели и отправился осматривать дом. Старые деревянные полы не позволяли ему передвигаться бесшумно, прорезая его уши противным скрипом каждый раз, когда он делал шаг. Выйдя из комнаты, он оказался в чем-то вроде прихожей. В помещении стояла вторая такая же железная кровать без перины и поломанная тумба, над кроватью на стене висел ковер, украшенный различной вышивкой и испорченный множеством пятен. Из прихожей вели две двери, не считая той, из которой только что вышел мужчина. Первая вела наружу и была чуть открыта: ветер то раскрывал её шире, то снова притягивал обратно. Подошедший к ней Ханс навалился на дверь всем телом и захлопнул, затворив ещё живой на ней засов. Вернувшись в исходное положение, он потянулся к ручке второй двери. На этот раз перед ним предстало просторное помещение. В самом начале у двери справа была печь и синий деревянный буфет, стоящий напротив неё. Дальше, за печью, был самодельный умывальник, а напротив него, за буфетом, – большое бордовое кресло. В самом конце у окна стоял деревянный стол с одной табуреткой и железным ведром под ним. В правом и левом углу над столом были прибиты полки, но лишь правая не была пустой: на ней стояли три иконы – Богородица, Иисус и лик неизвестного для Ханса святого. В центре на полу был расположен люк, что сливался с материалом пола. Приоткрыв люк, он увидел небольшую крутую лесенку, ведущую вниз, и комнатку, в которую немного проникал дневной свет. Присев на колени и сунув голову вниз, мужчина огляделся и ахнул. Банки! Огромное количество закруток! Огурцы, томаты, грибы и многое другое. Кто-то явно подготовился к этой зиме, но где он? Где хозяин давно, казалось бы, покинутой избушки? Хансу было не до этих размышлений. Спустившись вниз, он схватил банку с грибами и поддел крышку небольшой бабочкой, которая всё это время таилась в кармане его пальто. Просунув грязные пальцы в банку, он с жадностью начал опустошать её. Опустошив половину, он отложил закрутку и, вытирая рот и руки об рукава своего плаща, начал осматриваться. На его глаза попались баночки с ягодами и кабачковой икрой, стоящие на соседних полках, а в самом дальнем углу погреба лежала груда наполненных чем-то мешков. Вскрыв все той же бабочкой пару самых массивных из них, он понял, что они наполнены картофелем, часть которого уже прогнила, но другая его, добрая часть, была вполне пригодна к употреблению. Рядом с мешками картофеля лежало несколько небольших мешочков. Приподняв один из них, с него тут же посыпались орешки шиповника. Быстро перевернув мешок, мужчина увидел дырку на другой его части, но он явно не был порван случайно, и ткань в нем не прогнила: порез был ровный, словно кто-то разрезал его ножницами или ножом. Покрутив еще раз мешок, он нащупал что-то странное внутри. Просунув руку в дырку и достав инородный объект, он увидел мятую тонкую тетрадь. Отложив мешок в сторону и сдув с обложки мусор и крошки, он раскрыл ее на первой странице. На ней был текст, который явно писали в спешке, неаккуратный почерк, скачущие в размерах, а где-то по странице были пальцем размазаны черные чернила. Сами листки были не первой свежести, но и не совсем древние: они были слегка пожелтевшими, не как у многолетней тетради, а как у тетради, что несколько месяцев пролежала в одном мешке с сушёным шиповником. Ханс владел русским, но не сказать, что

идеально. Мог читать и понимать речь, но сам говорить на языке чужаков он не мог. Присев ближе к свету на лестнице, он начал читать:

“29 июля 1942 года. Война длится уже больше года. Я бы мог быть там, на поле боя, но кому сдался дряхлый семидесятилетний старик? В моей жизни ничего не поменялось: я как был лесником, так в своей чертовой избе и помру. Но что-то переменялось в моей обычной жизни, и это далеко не привычная нам война. Недавно, в километрах тридцати, где находится более-менее населённый пункт, прошла осада. Я слышал, что всех перебили эти фашистские мрази, но до меня не добрались. Внучка мне поведала, она оттуда ко мне смогла убежать. Вот с тех пор вся эта херь и началась. Сначала просто вся живность начала пропадать куда-то, даже рыбы стало меньше, благо хоть урожай не тронут. Думали, волки набрели, а потом свист начался – ей богу, человеческий. Я внучке строго-настрого запретил в лес выбираться, да даже в поле её страшно выпускать. Не знаю, что это, да и знать не хочу. Деваться нам некуда: там война, а тут нечисть, выбора особо нет.”

— (Перевод с немецкого) Ерунда какая-то... — проговорил мужчина, переворачивая страницу.

“19 августа 1942 года. Свистит теперь почти каждую ночь. Инка говорит, что и днём пару раз в поле слышала, умоляет меня уйти отсюда и её с собой забрать, а куда идти? На поле боя? Кроме свиста да пропажи живности ничего больше и не было, может, и дальше так будет. Скоро зима, большая часть припасов уже лежит в погребе. Нужно пережить зиму.”

Почерк стал ещё более неаккуратным, будто у писавшего был сильный тремор.

“1 октября 1942 года. Оно постучалось в дверь. Минут десять назад, может быть. Инка спит в комнате, мне нужно её защищать, не сможет моё сердце перенести гибель ещё одной внучки, моей последней кровинушки. Я уже несколько минут сижу у двери с винтовкой, патронов мало, надеюсь, пронесёт.”

“2 октября 1942 года. Инна пропала. Ночью оно бродило вокруг избы почти до рассвета, а сейчас грохот из комнаты Инки был, я забегая, а её нет, и окно разбито. Нашёл ещё одну припрятанную упаковку патронов в погребе. Без Инки я не смогу, пойду за ней.

Дальше записей не было. Закрыв тетрадь и еще раз пролистав ее, Ханс отложил своеобразный дневник на ближайшую к нему полку и поднялся наверх. Присев в кресло и запрокинув голову назад, он начал обдумывать прочитанное. О старике, на чей дом набрела беда, о пропавшей девочке и треснувшей фотографии в той самой комнате, где было разбито окно, и о том, что недалеко от района, где произошла осада, был расположен секретный немецкий лагерь, о котором никто из его чина и ниже знал лишь примерное его местоположение. Посидев еще какое-то время в кресле, мужчина решил продолжить осмотр. Выйдя из комнаты, он снял засов с двери и открыл ее. В лицо ему тут же ударил легкий холодный ветерок, разносящий снежные хлопья. Выйдя наружу, он сразу заметил небольшую пристройку, типичную русскую баню и деревянный уличный туалет. Решив осмотреть сарайку позже, Ханс бегом направился к месту испражнений, высоко поднимая ноги, чтобы быстрее преодолеть метровые сугробы на пути. Открыть дверь туалета оказалось сложнее, чем добраться до него самого: высокий слой снега мешал это сделать, пришлось ногами откапывать ямку. Через минуту мужчина смог немного приоткрыть дверь и зайти внутрь. На нос упала снежинка, тут же растаяв от температуры человеческого тела. Солдат дернулся от неожиданности и, взглянув наверх, обнаружил дырку в крыше туалета, небольшую, примерно с женскую ладошку. Разочарованно вздохнув,

мужчина опустил взгляд, стряхивая с поверхности свежий слой снега. Сделав все необходимое, Ханс направился к сарайке. Дверь в этот раз откапывать не пришлось, и мужчина без труда зашёл внутрь. Удлиненная деревянная тумба с висевшим над ней охотничьим ружьем стояла напротив массивного деревянного стола, что располагался у небольшого окна. По углам были расставлены лопаты, топоры, кирки, железные ведра и гора деревенского хлама, на столе лежала уже начинавшая ржаветь пила, а на стене между тумбой и столом висели пара молотков, серпов и ножей разных размеров. Порывшись в ящиках, Ханс обнаружил лишь банки с гвоздями, старые газеты, отвертки, гайки и тому подобное. – Старик и вправду забрал последние патроны с собой... – разочарованно проговорил мужчина, задвигая последний ящик.

Открыв затворку, мужчина подкинул ещё дров в печь и закрыл её обратно. Усевшись поудобнее в кресло и вернувшись к поеданию засоленных огурцов, Ханс задумался о своей жене и дочке, которая совсем недавно пошла в детский сад, и о своих предстоящих месяцах в этой забытой богом избе. Даже в тёплое время года пересечь границу и попасть обратно домой было практически нереально, а зимой это было верным приговором. В стране, где и русские, и немцы желают ему смерти, – это единственное место, где он может быть в безопасности, по крайней мере пока. Он уже перенёс перину с комнаты и расстелил её на печи, съев ещё один огурец и запив его растопленным и вскипячённым снегом, он последний раз взглянул в окно перед тем, как пойти спать. Окно в этой комнате выходило на поле. Смотря на бесконечный снежный покров и падающие хлопья снега, мужчина задумался о старике, о его внучке, живы ли они ещё? Вернутся ли обратно? Скорее всего, нет. Но что же прогнало их на самом деле? Ответов у Ханса не было. Оставив дотлевать поленья в печи, он забрался наверх и, укрывшись давно нестиранным одеялом, провалился в мир грез.

Вдалеке приглушенно звучали взрывы и нескончаемая череда выстрелов. Голова гудела, а правый бок ныл от острой боли. Очередной взрыв отбросил его в сторону, но он не был настолько близок к эпицентру, чтобы получить серьёзные травмы, да и угодил он, похоже, прямиком в огромный сугроб, спрятав его тело от вражеского отряда. Проморгавшись и вернув фокус зрения, первым, что увидел Ханс, был огонь, который не поддавался даже вьюге, а наоборот, та разносила искры все дальше и дальше, позволяя пламени распространяться. Среди огня были люди и то, что от них осталось, а именно — красный снег с пылающим поверх огнем. Палатки полыхали, люди путались в собственных кишках. Советская армия напала с тыла, когда никто этого не ожидал, и одержала победу. Ханс не хотел сражаться за страну, которая силой и угрозами отправила его воевать, он хотел лишь еще раз услышать звонкий смех своей маленькой дочери, почувствовать сладковатый вкус помады своей супруги на губах. С этими мыслями он начал отползать в сторону, у него еще был шанс на жизнь, и он не хотел его упускать. Он полз и полз, но никак не мог добраться до края. Обернувшись, он не обнаружил привычного соснового леса, лишь поле – бескрайнее и не имеющее границ. Повернув голову обратно, он не увидел перед собой поле боя, лишь бесконечную снежную гладь. В ужасе он крутил головой и пытался понять, что происходит. Вокруг было лишь поле, в центре которого возвышалась небольшая горка с солдатом, похолодевшим не столько от холода, сколько от ужаса. И вдруг среди воя метели раздался свист – короткий, как будто кто-то хотел привлечь внимание. Затем последовала пауза в несколько секунд, и снова такой же короткий, но уже гораздо ближе повторный свист. Обняв себя за колени и спрятав в них лицо, Ханс, дрожа от холода и страха, начал доставать из памяти обрывки молитв, которые еще мог вспомнить. С очередным коротким свистом мужчина дернулся и отполз чуть дальше в глупой надежде скрыться, но продвинувшись, он не почувствовал под собой опоры и, не сумев удержаться за край, повалился вниз.

Подскочив и хватая ртом воздух, Ханс огляделся, пытаясь понять, где он. Вокруг была лишь тьма и мутные очертания предметов с тусклыми золотистыми бликами на них. Через несколько секунд до него дошло, что он находится в постели на печи, а всё, что было до этого, было лишь страшным сном, смешавшимся с его воспоминаниями. Упав обратно на подушку и пошарив по постели руками, он не обнаружил одеяла. Взглянув сверху на пол и приглядевшись, он увидел пропажу. — «Наверное, слишком сильно ворочался во сне...» — подумал мужчина, сползая вниз. Закинув одеяло обратно, он почувствовал ноющую боль внизу живота, природа требовала своего. Одев сапоги и выйдя из комнаты, он на ощупь отодвинул затвор и под светом луны направился к туалету. Зайдя внутрь и прикрыв дверь, он расстегнул ширинку и приступил к своему делу. Лунный свет просачивался через дыру в крыше, немного освещая маленькое помещение. Закончив и уже собираясь выходить, взгляд Ханса упал на угол у двери, в котором аккуратно были сложены газетные свертки. Развернув одну из них и поднеся к лунному свету, он начал читать о победах и поражениях на территории Советского Союза, о том, как сплочены советские люди и как страна страдает из-за войны. Прочитанное не вызвало в нём никаких эмоций – ни разочарования, ни восторга, ни гордости, лишь человеческий интерес. Вдалеке, со стороны поля, раздался короткий свист, похожий на человеческий. Резко опустив руки и направив полный ужаса взгляд на дверь, Ханс прислушался. Второй свист, снова с севера, но уже ближе. Сердце забилось быстрее, ладони вспотели, а руки задрожали. Медленными, аккуратными движениями мужчина отложил газету в сторону, чтобы случайно не спровоцировать хруст бумаги, и так же медленно и бесшумно закрыл дверь на щеколду. Третий свист, ещё ближе, без хруста снега или дыхания, лишь свист. Ханс тихо присел на корточки и вжался в угол, в ту часть туалета, куда не доставал лунный свет. Затерявшись во тьме, он прислушался: повторного свиста пока не было. Свист был точно человеческий, в этом сомнений не было: во время засад солдаты использовали подобный трюк со свистом. Но кто это мог быть? Охотники? Немецкие солдаты? Советская армия? Хозяин дома? Кто-то или что-то ещё? «Что-то ещё...» — пронеслось повторно в его голове. Аккуратно приложив ухо к незаметной щели северной стены, Ханс прислушался. Ничего не было слышно, буквально ничего. Стояла абсолютная, мёртвая тишина: ни дуновения ветра, ни скрипа старого дома, ни падения снега с сосновых веток, ничего. Просидев так ещё несколько минут и дав своим глазам полностью привыкнуть к темноте, он начал обыскивать тесное помещение, тихо, как настоящий солдат, перемещаясь по туалету. Но как бы он ни старался, ничего, похожего на средство защиты, не находилось. Ханс заглянул даже в самую дырку, но темнота там была ещё гуще, а отверстие слишком мало для того, чтобы пролезть глубже. Вернувшись в своё теневое укрытие, он вновь прислушался и, кроме абсолютной тишины, ничего не услышал. «Значит, свистун не дошёл до дома и отправился в противоположную сторону», — подумал мужчина, ведь ни треска снега, ни повторного свиста больше не было. С этими мыслями он поднялся и открыл дверь туалета, выходя наружу. Вступив на снежный покров и взглянув в сторону избы, он застыл. На пороге дома, наклонившись, в окно прихожей заглядывало двухметровое, а может и больше, нечто: лысое и полностью голое. Оно стояло на двух ногах и напоминало своими пропорциями человека с анорексией. Открытие старой деревянной двери туалета определенно не было бесшумным и не ушло от внимания монстра. Тварь, чуть привстав и замерев на пару секунд, медленно повернула голову, явно не ожидая увидеть мужчину снаружи. Луна, вышедшая из-под деревьев, осветила его лицо, и оно было ужасно. Большие расширенные глаза, в которых зрачков либо не было, либо они были настолько огромны, что заслоняли собой все пространство глаз. Носа не было, были лишь две маленькие дырки, которые играли роль ноздрей, и широкая, пока что закрытая пасть. Была еще одна особенность – шрам вдоль всего худощавого брюха, похожий на те, что можно встретить у трупов, прошедших вскрытие. В глазах Ханса чуть потемнело, в горле застрял ком, уши заложило, ноги начало покалывать, а в животе появилось неприятное давящее чувство. Это был ужас, настоящий ужас, такой он испытывал лишь два раза: когда впервые

вышел на поле боя и когда дезертировал. Это не был страх перед смертью, это был страх перед тем, что будет, пока оно его не убьёт. Пауза между ними долго не продлилась, тварь издала оглушающий свист и, встав на четвереньки, рванула в сторону Ханса. Опомнившись, мужчина пулей юркнул обратно внутрь и запер дверь, в которую тут же с грохотом врезалась туша монстра. Туалет дернуло и немного наклонило вбок, — «Еще пара таких ударов, и мое чудесное убежище отлетит к чертям», — заключил в своей голове Ханс и начал судорожно обдумывать план по выживанию. Еще один удар, что-то треснуло. Взгляд упал на отверстие, это был единственный вариант. Секунда, и он уже разламывал ногами старое, местами прогнившее дерево, а после начал голыми руками вырывать надломленные доски. Увеличив себе проход, он сунул ноги в дыру и, пролетев пару метров, упал в вонючую засохшую массу, что была слегка покрыта снежным покровом. Еще удар, по звуку стало ясно, что дверь выбита. Найдя глазами выход, мужчина за секунду оказался у него и начал откапывать себе проход. Сзади него что-то смачно грохнулось вниз, существо сразу поняло, куда делась жертва. Обнаружив Ханса, оно, хоть и менее оглушающим свистом, поползло к нему. Рука мужчины пробила наружу, быстро просунув вторую руку и подтянувшись, он почти полностью оказался снаружи. Только он хотел дать деру, как кто-то потащил его вниз. Перед глазами тут же привстал образ дочки, которая, вцепившись в его ноги, кричала, что не желает его отпускать. Тварь схватила его за левую ногу и потянула на себя. Заорав, Ханс схватился за остатки стены в попытке вырваться из адской пасти и начал бить свободной ногой по морде существа. Повернув голову и взглянув на своего охотника, мужчина увидел, как тварь обсасывает его ногу, издавая при этом мычащие, чавкающие звуки. Зубы монстра торчали в этот момент наружу. Недолго думая, Ханс зарядил ногой прямо по зубам твари, от чего она с воплем ослабила хватку. В ту же секунду он вскочил и, игнорируя боль в ноге, направился в сарай. Забежав внутрь и подперев дверь граблями, он схватил топор и вместе с ним встал в стойку, выжидая врага. За пределами сарая раздался очередной пронзительный свист, за которым последовал хруст снега, секунда, и в дверь сарая тут же прилетел внушительный удар. Эта дверь оказалась слабее, чем туалетная, и полетела с первого же удара. Тварь встала на пороге, разглядывая свою жертву. Она знала, что в этот раз ему некуда деваться, и от того не спешила. Морда существа была измазана в его крови, вперемешку со странной серо-розовой жижей. Не дожидаясь, пока тварь сама на него пойдёт, Ханс с воплем замахнулся на неё топором. Не ожидая такого манёвра от мужчины, монстр не успел среагировать и увернуться, отчего топор угодил прямо ему под рёбра. По округе разнёсся вопль, если бы в лесу осталась живность, то она бы вся разбежалась и разлетелась в этот миг. Оттолкнув от себя мужчину, тварь, вместе с топором в брюхе, ринулась в сторону поля, оставляя за собой след из серо-розовой жидкости. Поднявшись с пола, Ханс, прихрамывая и не зная, за какой из боковых ему держаться, вышел из сарайки, прихватив оттуда ружьё. Зайдя в дом, он присел на кровать в прихожей и, достав оттуда пачку с патронами, которую он взял с собой на поле боя, зарядил ружьё и просидел так с ним до самого утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.